

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕНЕССАНСНОГО ГУМАНИЗМА (РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПОСТГУМАНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ» ПОД РЕД. М. АРВИДСОН, Э. ДЖОУНЗ)

ЛИХАЧЕВ М. А.

Лихачев Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия (m.a.likhachev@gmail.com).
ORCID: 0000-0002-7848-5007.

Для цитирования: Лихачев М. А. Международное право за пределами ренессансного гуманизма (рецензия на коллективную монографию «Международное право и постгуманистская теория» под ред. М. Арвидсон, Э. Джоунз) // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 3. С. 64–75.

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.23991>

Введение

«Обширное опустошение природной среды, вызванное изменением климата, растущее применение искусственного интеллекта международно-правовыми акторами и необходимость признать колониальное прошлое требуют изменения международного права...»¹ — так начинается аннотация к коллективной монографии под редакцией профессора Университета Гётеборга (Швеция) М. Арвидсон и исследовательницы из Университета Ньюкасла (Великобритания) Э. Джоунз «Международное право и постгуманистская теория», первое англоязычное издание которой вышло в издательстве «Рутледж» в январе 2024 года. 15 авторов из Австралии, Великобритании, Германии, Нидерландов, Новой Зеландии, США и Швеции представили результат амбициозного проекта, явившего не столько новое предметное поле для международно-правовых исследований, сколько новую методологию, новый язык, новую оптику осмысления классических вопросов и прежде незамечаемых проблем философии, теории и практики международного права.

Это очень современная и своевременная книга по международному праву. Книга, написанная на языке международного права и не только, приглашает к разговору о международном праве и не только. Сегодня изолированные и рафинированные правовым предметом высказывания о международном праве малополезны и далеко не всегда интересны. В случае рецензируемой коллективной монографии фокус авторского и зрительского (читательского) внимания смещается в пользу «и не только»: главы книги повествуют про жизнь сквозь линзу международного права, и в то же время последнее рассматривается как бы снаружи: с позиций плоских антологий и неоматериализма (глава II)², концептуального искусства (III)³ и исследований памяти (*memory studies*) (V)⁴, космологий аборигенов Западной Африки (VII)⁵, растительного мышления (X)⁶, философии вегетативной жизни (XII)⁷, а также этики вегетарианства (XI)⁸.

¹ *International Law and Posthuman Theory* / ed. by M. Arvidsson, E. Jones. New York : Routledge, 2024. Подробнее см.: URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9781032658032/international-law-posthuman-theory-matilda-arvidsson-emil-y-jones> (дата обращения: 22.07.2024).

² «Плоские онтологии и дифференциация: в защиту витального материализма Беннет и некоторые рассуждения относительно деколонизального нового материализма и международного права» — Grear A. *Flat Ontology and Differentiation: In Defense of Bennett's Vital Materialism, and Some Thoughts Toward Decolonial New Materialisms for International Law* // Ibid. P. 60–82.

³ «Эстетика, новый материализм и правовая материя: “искусство” англо-американского колониализма» — Mitchell D. *Aesthetics, New Materialism and Legal Matter: The «Art» of Anglo-American Colonialism* // Ibid. P. 83–104.

⁴ «Памятник Уэйкфилду: диалог нового и исторического материализма и постгуманистское международное право» — Hohmann J., Schwöbel-Patel C. *A Monument to E.G. Wakefield: New and Historical Materialist Dialogues for a Posthuman International Law* // Ibid. P. 139–160.

⁵ «После *homo narrans*: ботаника, международное право и Сенегамбия в эпоху становления мира раннего расового капитализма» — Hamzić V. *After Homo Narrans: Botany, International Law and Senegambia in Early Racial Capitalist Worldmaking* // Ibid. P. 180–200.

⁶ «Борьба против наркотиков как борьба против не-людей» — Koram K., Guardiola-Rivera O. *The War on Drugs as the War on the Nonhuman* // Ibid. P. 244–257.

⁷ «Спасут ли права человека антропос от Антропоцена? Правозащитные стратегии защиты природной среды и постгуманистская теория» — Leeuwenkamp J. *Will Human Rights Save the Anthropos from the Anthropocene? Rights-Based Environmental Protection Strategies and Posthuman Theory* // Ibid. P. 279–304.

⁸ «Искореняя режимы антропоцентричной правомерности: допускает ли *Rule of Law* интенсивное животноводство?» — Deckha M. *Supplanting Anthropocentric Legalities: Can the Rule of Law Tolerate Intensive Animal Agriculture?* // Ibid. P. 258–278.

Авторы принимают вызов методологического «и не только»: эпоха «X-дисциплинарности», сменившая прежде популярную междисциплинарность⁹, диктует важность и даже обязательность применения изыскательного инструментария не только из смежных и иных дисциплин, но и из разных областей когнитивного вообще (изобразительного искусства, литературы, музыки, театра). В таком случае метод как критерий «научности» и «объективности» уступает место «подходу» или «стилю», описывающим без гносеологических установок и предубеждений, «как они/мы достигли исследовательского результата»¹⁰. Открывает книгу глава М. Арвидсон, вкрадчиво вслед за ее совместным с Э. Джоунз введением разъясняющая тот самый *стиль* постгуманистского осмысления, описания и изложения материала¹¹.

Стержневой проблемой, предметом анализа и гносеологической осью исследовательского проекта является язык: работа показывает, как можно и нужно продуктивно говорить о международном праве не на его языке, но задействуя набор знаков и смыслов, неведомых международно-правовому дискурсу и даже прежде чуждых ему или при первом рассмотрении непригодных для таких целей¹². Многие ли тем, кто верен юспозитивистской эпистеме, могут сказать о международном праве космологические идеи аборигенов Сенегамбии (с. 190–192), или карта морских вод Тупайя, изготовленная коренными жителями Океании до их колонизации (с. 209–211), или урбанистический анализ акций горожан в защиту появившейся случайным образом в Риме уже в XXI веке природной территории — *lago bullicante* (бурлящее озеро) (с. 224–228), или ландшафт и архитектура вокруг памятника английскому колонизатору Э. Уэйкфилду в австралийском городе Аделаида (с. 146–150), или произведение концептуального изобразительного искусства художника К. Роулэнда «*Depreciation*» («Обесценение») 2018 года (с. 87–94)? Авторы работы убедительны в том, что по описательной и объяснительной силе такие приемы в своей витальности и отзывчивости осязаемой жизни не только не уступают, но порой и превосходят классический вокабуляр юридических абстракций и фикций.

О (пост)структурализме

Книга проблематизирует язык современного международного права в духе традиции структурализма и постструктурализма. Острые структуралистской критики референции обращено против лингвистических и дискурсивных оснований международного права: его образы и знаки в авторских трактовках лишены всякой «естественности», «объективности» и предметного содержания. Следуя классическим приемам *произвольной природы знака* по Ф. де Соссюру и *остранения* по В. Шкловскому, исследователи обращаются к формальной стороне понятийного измерения международного права¹³: нет и не может быть ничего предзаданного, очевидного и необходимого в «праве», «государстве», «суверенитете», «индивиде», «субъекте», «объекте», ведь

⁹ Об «X-дисциплинарности», ее отличиях от би-, анти-, контр-, нон-, мульти-, плюри-, транс-, постдисциплинарности см.: Korhonen O. *From Interdisciplinary to X-Disciplinary Methodology of International Law* // *Research Methods in International Law. A Handbook* / ed. by R. Deplano, N. Tsagourias. Edward Elgar Publishing, 2021. P. 345–365.

¹⁰ Ibid. P. 362.

¹¹ Jones E., Arvidsson M. *Introduction // International Law and Posthuman Theory...* P. 1–28; Arvidsson M. *Posthuman Feminism as a Theoretical and Methodological Approach to International Law* // Ibid. P. 31–59.

¹² Термин «дискурс» не является вопросом настоящей рецензии, однако к нему мы обратимся еще не раз. Для простоты понимания здесь под дискурсом, следуя фукодианской традиции, подразумевается «отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и его проектирующий и сотворяющий» (Дмитриев М. «Русский народ» или «люди «Божи»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси // *Polystoria. Бог, Рим, народ в средневековой Европе* / под ред. М. Бойцова, О. Воскобойникова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 256. В таком понимании международно-правовой дискурс охватывает способы и контексты осмысления и артикуляции проблем международного права (преимущественно международно-правовыми средствами). Дискурс современного позитивного международного права, как и его практики, пронизан этатизмом и юридическим позитивизмом: государству отводится главенствующая роль субъекта и правотворца, а его интересы заявляются драйверами динамики всей системы (см., например: Hernandez G. *Legal Positivism and the Individual in International Law* // *The Individual in International Law* / ed. by T. Sparks, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 167–169; Wood M. *International Law in Practice* // *Courses of the Summer School on Public International Law*. Vol. 11. Moscow, 2022. P. 14–16. URL: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/SSPIL-2020_11_Sir-Michael-Wood_1649164344.pdf (дата обращения: 22.07.2024); Арановский К. В., Князев С. Д. *Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений*. М.: Проспект, 2016. С. 187).

¹³ О произвольной природе знака и приеме остранения см.: Фостер Х., Краусс Р., Бут И.-А., Бухло Б. Х. Д., Джослит Д. *Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм*. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 37–38. Прием остранения ставит задачу лишить естественности наше восприятие, ставшее автоматическим, и реорганизовать материал (референт), придавая ему странность; проще говоря — взглянуть на привычное (устоявшееся, укорененное, претендующее на объективность и естественность) с непривычных для него ракурсов, встроив его в нехарактерные (чуждые и даже конфликтные) контексты. См. также пример применения остранения к конструкции государства: Волков В. *Государство, или Цена порядка*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 12–13.

международно-правовые образы и знаки (формы дискурса по Ж. д'Аспремону¹⁴) находятся в жесткой зависимости от их языковой формы и субстантивно являются лишь тем, чем не являются¹⁵. Отстраняясь, то есть выстраивая критическую дистанцию и используя различные ракурсы-контексты (прием так называемой *вырезки, сечения* — англ.: *cut*), М. Арвидсон, например, предлагает по-разному взглянуть на понятие «человек» в международном гуманитарном праве (в его сопоставлении с «человеком в петле» (*human in the loop*) или роботом) (с. 51–52). Таким же образом Э. Джоунз с соавторами подходит к конструкции всеобщего наследия человечества (*common heritage of mankind*) (с. 106–113), предлагая заменить последнее слово в термине на *kin-kind*, где вместо *man* (человек) используется *kin* (сородич).

По-постструктуралистски авторы книги формулируют решительный вызов контексту, предпринимая попытки вскрыть, изобличить и подрвать (от англ. *trouble* — подрыв) традиционные нарративы, стоящие у истоков и лежащие по-прежнему надежно и уверенно в основании современного международного права. Поскольку язык не ограничивается передачей информации, нейтральность которой невозможна по определению, а предполагает принятие институционального контекста (так называемых предпосылок по О. Дюкро, «обязывающих отвечать»), то и вербальный обмен, как указывал М. Фуко, всегда дискурсивен, то есть «нагружен властными отношениями и даже приложением силы» и «нацелен на сохранение “объективных” сведений»¹⁶. Контекст, институционализирующий и дисциплинирующий речевое событие, не может быть беспристрастным и только путем его (контекста) реконструкции можно бросить вызов скрытым в нем иерархиям и насильственным установкам.

В духе такой модели в нескольких случаях в работе применяются два близких метода: спекулятивной фабуляции (*speculative fabulation*) и фигурации (*figuration*). Смысл такого инструментария — сделать невозможное в настоящем ментально возможным в будущем и на этом основании реконструировать контекст устоявшейся конструкции. А. Грир со ссылкой на философов Д. Харауэй и Р. Брайдотти поясняет: «постгуманистская фигурация <...> — акт подрыва стратегии научной объективности, академических иерархий и губительных бинарных оппозиций» (глава I, с. 38)¹⁷. Проще говоря, фигурация позволяет сформулировать необходимое, как если бы отсутствующие сейчас условия (факторы) присутствовали. Таким же образом исследовательница обращается к анализу критериев «человека» как элемента субъектности комбатанта (с. 50–52).

Э. Джоунз с соавторами, реконструируя «всеобщее наследие человечества» (глава IV)¹⁸ и вновь ссылаясь на Д. Харауэй, объясняет назначение спекулятивной фабуляции: «рассеяние [*clearing away*] настоящего и прошлого для освобождения пути будущему», при этом «не упуская из виду [выявленные] проблемы [контекста]» (*staying with the trouble*)¹⁹. Такая фабуляция — «рассказ историй [*telling stories*] и воображение новых миров как будто бы они есть на самом деле»²⁰. Для этого в подобных исследованиях часто используется термин «*to reworld*» / «*reworlding*» (*переименование мира*), обозначающий метафорическое переустройство жизни в спекулятивных целях осмысления и объяснения необходимого и подрыва «очевидного», «объективного», «естественного».

Другой прием работы с контекстом в постструктуралистском ключе — дефамилиаризация (*defamiliarization*) как вариант упомянутой техники остранения. Этот прием состоит в выявлении контекста конструкции, его критике (подрыве) с последующим встраиванием такой конструкции в другой контекст. Так, Д. Митчелл в главе III об эстетике, новом материализме и правовой материи переосмысляет англо-американское колониальное наследие на примере опыта концептуализации К. Роулэнда в его произведении «Обесценение» 2018 года. Художник изображает колониальные паттерны, институционализованные в режиме права собственности, исконно подавляющем черное

¹⁴ d'Aspremont J. *After Meaning: the Sovereignty of Forms in International Law*. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2021. P. 1.

¹⁵ Один из самых ярких в этом аспекте фрагментов работы — пассаж Д. Митчелл о механизме преобразования материи в материал (правовой) (*matter/material*) через «интерпретацию, основанную на нормативном притязании [*normative claim*], посредством которой отдельная совокупность материи получает правовое содержание» (с. 87–88). См. также о *deferral of meaning* (ускользание/переход содержания): d'Aspremont J. *Op.cit.* P. 14–21, 60–79.

¹⁶ Фостер Х., Краусс Р., Бут И.-А., Бухло Б. Х. Д., Джослит Д. *Указ.соч.* С. 43–44.

¹⁷ Применение этого приема к статусу человека в международном гуманитарном праве автор предваряет риторическим вопросом: «для чего МГП нужно так держаться за категоризации, которые ни отражают реального положения дел [*state-of-the-world*], ни обращены к наиболее важным проблемам мира вооруженных конфликтов?» (Grear A. *Op.cit.* P. 38).

¹⁸ «Всеобщее наследие сородичества» — Jones E., van Eijk C., Heathcote G. *The Common Heritage of Kin-Kind // International Law and Posthuman Theory...* P. 105–134.

¹⁹ *Ibid.* P. 113.

²⁰ *Ibid.* P. 114.

население и приоритизирующем белых мужчин: для этого он описывает эксперимент по выкупу ценного земельного участка с намерением исключить его из коммерческого оборота и оставить пустырем. Эта история представлена в галерее серией фотографий и копий транзакционных документов. Выведение конструкции за рамки ее исконного контекста (*to dis/locate objects/gestures from their original context*) позволяет, по мнению Д. Митчелл, выявить «исторически колониальные и расистские сегодня» свойства такого дискурса²¹.

О пользе для современных юристов

Это очень своевременная и нужная как для международников, так и для юристов в целом книга. Во-первых, каждая глава выполняет непосильную задачу преодоления консервативного (читай — косного) юридизированного взгляда на жизнь. Это — терапия, которая показана всем нам²². Рассуждая о юридическом знании, современный историк республиканизма К. А. Соловьев замечает, что расцвет правовой мысли пришелся на XV–XVI века, после чего «университетская традиция притихла... [и] [ю]ридические факультеты застыли в своем развитии»: «[р]ациональная философия плохо рифмовалась с юридическим стилем мышления... [что] отбрасывало законников на периферию интеллектуального процесса»²³. У науки права появился шанс восполнить такой укорененный дефицит адекватности.

Во-вторых, сегодня юристы, наконец, осознают: для того, чтобы постигнуть (международно-)правовое, необходимо приложить метаюридическое интеллектуальное усилие, и это еще не гарантирует успех. Очевидно, такое понимание не оставляет «гносеологических шансов» юридическому позитивизму, да и научному позитивизму вообще: полагаться на понимание права как социальной формы, доступной эмпирически, наивно²⁴. Правовое, подобно разноцветным квадратам Казимира Малевича и разлинованным прямоугольникам Пита Мондриана, более недоступно непосредственному восприятию, избалованному позитивистскими упрощениями²⁵. Примечательно, что в главах о концептуальном творчестве Роулэнда (III) и о памятнике Уэйкфилду в австралийском городе (V) именно теории искусства вдохновили исследователей на новое международно-правовое прочтение материала.

Как наверняка догадался читатель, представленная книга — не труд по позитивному международному праву: глава о международном гуманитарном праве мало что говорит о нормативном содержании Женевских конвенций (II), глава о всеобщем наследии человечества в меньшей степени касается правового режима эксплуатации ресурсов мирового океана (IV), а глава о налоговом суверенитете нечасто отсылает к установлениям конвенций в области налогообложения (VI)²⁶. В этих и остальных случаях авторы больше заинтересованы в апробации новых методологий и исследовательских *стилей*, позволяющих иначе взглянуть на привычное, натурализованное действующим международным правом. Предметные вопросы служат иллюстрацией для обозначения и осмысления проблем дискурсивного толка.

Об иронии, сомнениях и еще раз о языке

В книге речь не идет о новом международном праве, и цель работы не состоит в формулировании его новой концепции: авторам в общем чужд революционный пафос. В то же время исследователи не «упрощают» свое положение, прибегая к спекулятивной патетике кризиса системы. Хотя лейтмотив

²¹ Mitchell D. *Op.cit.* P. 91.

²² Не кажется ли читателю странным или по меньшей мере показательным, что в современную информационную эру, когда все у всех на виду и на слуху, среди лидеров общественного мнения и медийных инфлюенсеров крайне редко (едва ли) встретишь юристов, говорящих о праве на правовом языке?

²³ Соловьев К. А. *Введение // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века I* под ред. К. А. Соловьева. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 11.

²⁴ О природе научного позитивизма и критике его объективизма, натурализма, сциентизма см., например: Шацкий Е. *История социологической мысли*. Т. II. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 400–403 (о неопозитивизме); Там же. Т. I. С. 319–326 (об истоках научного позитивизма и учении О. Конта).

²⁵ Одним из последних примеров кардинального (конфронтационного) разрыва с позитивистской традицией может служить работа Жана д'Аспремона, применившего технику нарративной феноменологии для описания *опыта* международных организаций — d'Aspremont J. *The Experiences of International Organizations. A Phenomenological Approach to International Institutional Law*. Edward Elgar Publishing, 2023; о сути метода см.: Ibid. P. 2–10. Справедливости ради отмечу, что сам д'Аспремон не относит себя к противникам юспозитивизма — Idem. *The Idea of «Rules» in the Sources of International Law // Amsterdam Law School Legal Studies Research Paper*. № 2014-51; Amsterdam Center for International Law. № 2014-28. P. 1–33.

²⁶ «Ни национальное, ни международное: постгуманистское перепрочтение налогового суверенитета» — Lärka H. *Neither National nor International: A Posthumanist Retelling of Tax Sovereignty // International Law and Posthuman Theory...* P. 161–179.

работы — это ответ на три ключевых вызова: технологические инновации, глобальное неравенство, порожденное господствующим капитализмом неолиберального извода, и деградация природной среды, вызванная экологическим загрязнением и изменением климата (с. 3).

Скорее, работа пронизана каноническими постмодернистскими настроениями и соответствующими им типами мышления — иронией и сомнением²⁷. Последнее позволяет сформулировать вопрос в духе «как с нами случилось международное право?», предполагающем «подозрения о низких, сомнительных первоисточках и множественных подменах по пути к настоящему»²⁸. И даже *homo narrans* (человек повествующий) у В. Хамжича (глава VII) становится «hesitant» — сомневающимся²⁹.

В дополнение к сомнению ирония призвана демистифицировать и десакрализовать ментальные конструкции, отвергая аксиоматичные установки об их объективной необходимости и естественно-социальном происхождении. *Несерьезное* отношение позволяет принимать всерьез тех, кто оказывался в разные эпохи невидимым, неслышимым, закрытым. Методологические «ирония, иконоборчество и заигрывание» служат преодолению экзистенциальной скуки (от фр. *ennui*) и позволяют «отвергнуть тирады и властные игры, которые порождают и утверждают методы и дисциплинарности, фреймы и ориентации»³⁰.

Так, работа начинается с критики наивного нормативизма юристов-международников, полагающихся на силу юридических обязательств и расширение пределов правового регулирования:

...В то время как юристы-международники инстинктивно пытаются решить проблемы либо путем расширения области существующего международного права, либо путем расширения действия права через еще более детализированные и фрагментированные правовые установления, становится очевидно <...> что теперь, как впрочем, возможно, и прежде, просто больше прежнего — большего или “лучшего” — международного права недостаточно³¹.

Такому подходу противопоставлен *приземленный взгляд* на конструкции международного права — *ground thinking* — полагающийся на витальный опыт (*vitality*), пульсирующую материальную жизнь (*vibrant matter*)³², диктующую потребности настоящего времени (*needs of the present*), аффирмативное мышление (*affirmative thinking*), принимающее всерьез событийность и случайности реальной жизни (*take real-life events seriously*) (с. 12–13)³³, а не фетишизирующее экзотические образы, связь которых с настоящим необоснованна³⁴.

А потому предметом анализа в главе А. Грир (II) становится блэкаут в США и Канаде, коснувшийся 50 миллионов человек, и пищевые жирные кислоты как фактор проблемы ожирения населения и ее

²⁷ Рассуждая о проекте «провинциализации» Европы как способе преодоления модерности и связанных с этим схем насилия и подавления, Д. Чакрабартти настаивает, что такой проект должен быть нацелен на «осознание внутри себя своей невозможности», и призывает «поддерживать историю, которая самой структурой своих нарративных форм делает видимой собственные стратегии и практики подавления»: [И]дея состоит в том, чтобы «вписать в историю модерности двойственность, противоречие, насилие, трагедии и иронию» (Чакрабартти Д. *Провинциализируя Европу*. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 70, 74).

²⁸ Волков В. *Указ.соч.* С. 14. Здесь я перефразирую высказывание В. В. Волкова, объясняющего методологию своей книги об истоках государственности «Как с нами случилось государство?» (Там же. С. 58). В. В. Волков описывает прием критической генеалогии, восходящий к идеям Ф. Ницше и позже М. Фуко и основанный на критическом (постмодернистском) сомнении в отношении высокого происхождения сакрализуемых и мифологизируемых конструкций (Там же. С. 14–15).

²⁹ В. Хамжич пишет о *history hesitant method* (методе исторического сомнения/нерешительности), дающем «пространство, иную темпоральность», позволяющих нам «поработать об утраченных связях» без спешки и радикальных решений (Hamzić V. *Op.cit.* P. 193). Конструкция *homo narrans* отсылает к аналитической технике, противопоставленной классическому историцистскому, позитивистскому и дисциплинарному нарративу: вместо привилегированной и «удобной» большой *истории* (*his-story* с акцентом на *his*), открывается путь другому опыту живых отношений, описанному и рассказанному через *story* (отсюда и название техники — *story-telling*) — «без общности на основе гражданских ритуалов», «без кошмаров традиции» и «без воображаемого идеального прошлого» (Чакрабартти Д. *Указ.соч.* С. 70–74). К такой же критической нарративизации прибегают и К. Корам и О. Гардиола-Ривера в главе X об антинаркотических войнах — Koram K., Guardiola-Rivera O. *Op.cit.* P. 251.

³⁰ Korhonen O. *Op.cit.* P. 362–363 (о сопротивлении методологии).

³¹ Jones E., Arvidsson M. *Op.cit.* P. 1–2.

³² Понятие, заимствованное из лексикона Дж. Беннет, — Bennette J. *Vibrant Matter. A Political Ecology of Things*. Durham and London: Duke University Press, 2010.

³³ Другой пример «витального» подхода, предполагающего *серьезное* отношение к тому, что реально есть, — когда субъектен в международном праве тот, кто заслуживает быть принятым всерьез (*to be taken seriously*) (Klabbers J. *Inter-legality, cities and the changing nature of authority II Research Handbook on International Law and Cities I* ed. by H. P. Aust, J. E. Nijman, M. Marcenko. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 422).

³⁴ О такой фетишизации конструкции субъектности в международном праве рассуждает К. Барбара: «...огромная проблема международно-правовой системы заключается в том, что определяющая роль отведена правовой фикции — государству, а не человеку. Этот дефект усиливается в международной правосубъектности, поскольку здесь мы имеем дело с правовой абстракцией, укорененной в другой правовой абстракции, — государстве! <...> Невероятно проблематично иметь в центре нашего правопорядка нечто, сводимое не более чем к нашему измышлению» (Barbara C. *International Legal Personality: Panacea or Pandemonium? Theorizing About the Individual and the State in the Era of Globalization II Austrian Review of International and European Law*. 2007. Vol. 12. № 17. P. 45).

капиталистического освоения — с целью выявления агентной (действующей) силы не-человеческих сущностей (*agentic force of non-human things*) и применения таких аналитических приемов к международно-правовому материалу³⁵. К. Корам и О. Гардиола-Ривера в главе об антинаркотических войнах (X) обращают внимание на другую сторону необходимых мер по борьбе с распространением наркотиков: как запрет на распространение влияет на культовые практики народности Коджи (*Kogi people*) Карибского побережья Колумбии и как мероприятия по уничтожению посевов психотропных растений сказываются на биологическом разнообразии. М. Дэка в своей главе (XI) рассказывает, как буколическая мистификация потворствует агрессивному животноводству и как связанные с этим пищевые привычки и гастрономические вкусы капиталистического общества препятствуют эффективной борьбе с экологической деградацией и адекватной реакции на изменение климата.

Задача не столько в том, чтобы любой ценой отказаться от устоявшихся (модернистских) международно-правовых конструкций (субъектности, государства, суверенитета, прав человека): порой уже достаточно выраженного сомнения в нейтральности таких категоризаций (с. 12). В случае их сохранения важна по меньшей мере проблематизация их «объективности», «истинности», «необходимости», «научности», «социальности» и «естественности»: мишенью критики является международное право как «объективно обусловленный [*truth-driven*], научно определенный правопорядок, который регулирует отношения между формально равными государствами»³⁶.

Поскольку не бывает «незаинтересованных» дискурсивных форм, перед авторами книги, как и всякими исследователями, работающими в постмодернистской парадигме, встает вызов изобретения нового, собственного языка — вербальных форм, не увязанных с модернистскими семантическими паттернами и интеллектуально-политическими контекстами³⁷. Вырваться из модернистской эпистемы невозможно, применяя классический международно-правовой вокабуляр, замкнутый на этатизме и юспозитивизме. Потому в книге вы не найдете привязку субъектности к правам и обязанностям (вместо этого — витальность, агентное понимание материи [*agential understanding of matter*], принятие всерьез [*to be taken seriously*] и видимость), не встретите определения права через систему правовых норм, создаваемых сувереном-нормотворцем (зато — механизм перехода материи в правовой материал [*matter/material*], внимание права [*law's attention*]), не найдете рассуждений об объективной необходимости и естественной предзаданности социальных явлений (взамен — переименование мира [*reworlding*] или мир-в-становлении [*becoming-world*], совместное становление в субъектности [*becoming-with*] и принцип «мы-все-тут-вместе-однако-мы-не-одно-целое-и-не-одно-и-то-же» [*we-are-all-in-this-together-but-we-are-not-one-and-the-same*]).

О постгуманизме

Главная идея-принцип, вокруг которой организовано исследование в проекте, — постгуманизм или, как чаще пишут сами авторы, постгуманистская теория (*posthuman theory*). Во введении редакторы замечают, что постгуманистские исследования (*posthumanities*) сегодня охватывают множество направлений, работающих в разных мыслительных плоскостях (*strands of thinking*): «от критической постгуманистской теории до новых материализмов, трансгуманизма, акторно-сетевой теории и многого другого»³⁸. Потому здесь постгуманизм как зонтичная категория применяется для обозначения исследовательской оптики и академического *стиля*, полагающихся на два начала — постантропоцентричное и постгуманистское *stricto sensu* (с. 4).

³⁵ В числе первых работ по международному праву, вдохновленных плоскими онтологиями, — *International Law's Objects* / ed. by J. Hohmann, D. Joyce. Oxford : Oxford University Press, 2018.

³⁶ Jones E., Arvidsson M. *Op.cit.* P. 2. См. также: *Ibid.* P. 5.

³⁷ Складывающаяся пост- и метамодернистская традиция не только ставит под сомнение возможность объективного и истинного знания, но и пытается переизобрести язык интеллектуальных практик, придав ему более поэтические формы, большую метафоричность и фигуративность, граничащие с художественным вымыслом (сюда же относится и упоминаемая техника *story-telling*). О трех задачах современной науки по К. Эшуну и Х. Шульцу см. лекцию филолога и исследователя звука А. Логутова: Андрей Логутов: пространство звука, пространство тишины // «Что изучают гуманитарии» / подкаст проекта *nlo.media* издательства «Новое литературное обозрение». 6 декабря 2023 года. URL: <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/что-изучают-гуманитарии/id1667328641?i=1000637664216> (дата обращения: 22.07.2024), особенно интервал 32:00–33:30. См. также: Eshun K. *More Brilliant Than the Sun: Adventures in Sonic Fiction*. Quartet Books, 1999.

³⁸ Jones E., Arvidsson M. *Op.cit.* P. 6. Работа в разных форматах отсылает к следующим интеллектуальным направлениям: критическая расовая теория, деколонизальное учение, философии (космологии) коренных народностей (*indigenous philosophies*), природоохранный активизм, социальный (пост)конструктивизм, неоматериализм, новый материализм, марксизм, исторический подход, подходы Глобального Юга (*TWAIL*), трансгуманизм, антигуманизм, акторно-сетевая теория, плоские онтологии, объектно-ориентированная онтология, междисциплинарный постгуманизм (*intersectional posthumanism*), урбанизм.

Первое предполагает построения, критические к классическому антропоцентризму, отстаивающему верховенство человека как высшего разумного существа в мироздании, природе. Самым ярким проявлением такого понимания являются иерархические конструкции субъектности, где субъектен лишь человек и все сформулированные по его подобию сущности (например, государство и юридическое лицо), а ценность всех остальных, отнесенных к объектам, определяется близостью к человеческой природе (потенциальным антропоморфизмом) и практической ценностью в служении человеку. В такой схеме природный мир, обозначаемый окружающей (человека) средой, и инструментализированные флора и фауна в лучшем случае могут претендовать на незавидную роль объекта попечения (правовой защиты)³⁹. Издержкам такого протекционизма посвящена завершающая глава (XII), в которой Ж. Лекуэнкамп поясняет высокие риски антропоморфизации природы через наделение ее правами человека (*human rights*)⁴⁰ или же применения для борьбы с изменением климата основанной на правах человека стратегии (*human-rights-based strategies*) через классические международные институты по правам человека.

Если в случае постантропоцентризма мишенью критики является эксепционалистский антропос, то в случае с постгуманизмом в узком смысле — универсалистский человек (*homo universalis, universalistic Man*). Гуманистический идеал эпохи Просвещения наглядно представлен витрувианским человеком Леонардо да Винчи: это белый европеец, непременно мужчина, физически полноценный, а с учетом современных капиталистических «улучшений» — крепкого материального достатка гражданин условного «западного мира» (с. XIII). Такое представление о человеке выстраивает в разные эпохи разные иерархии, исключаяющие разных *других*, то есть тех, кто по меркам своего времени уступал просвещенческому (гуманистическому) идеалу: рабы, женщины, рабочие, не-белые, не-европейцы, не-люди. Такие *другие* являются результатом сексуализирующего (женщины), расиализирующего (*racialized*), натурализирующего (маргинализирующего «не-/противоестественное») дискурсов. В этом аспекте самые яркие фрагменты книги в главе VII, начинающейся с критики системы Карла Линнея за его «сексуализированные ботанические бинарности» и классификацию человеческих типов (*homo variat*), в числе которых и *Americanus rubescens*, и *Asiaticus fuscus*, и *Africanus niger* (с. 182–185); а также в главе X о «наркотических войнах», проблематизирующей доступ к психотропным растениям коренных народностей для отправления традиционных ритуалов и церемоний (с. 249–252).

О субъектности, времени, технологии, материи и пространстве

Каждая глава книги посвящена отдельной предметной области международного права — от морского права до права прав человека, от межгосударственных систем налогообложения до борьбы с наркоторговлей. Однако тематически разнообразный коллективный труд объединяет несколько сквозных сюжетов.

Субъектность. Материя. Не будет преувеличением оценка этой книги как базовой работы по проблемам субъектности в международном праве. Избранная авторами постгуманистская перспектива предопределяет обращенность всего материала к проблеме определения того, кто существует в международном праве и в каком качестве. Примененный прием теоретической фигурации позволяет проблематизировать вопросы: «Робот ли я?» (иначе — «Чем/кем “я” предстаю?»), «Выживу ли я?» («Как мне организовать отношения с внешним миром — технологией и природой?») и «Могу ли я себе это позволить?» («Как “мои” права защищены?»)⁴¹.

Авторы не столько отвергают, сколько игнорируют как несостоятельные модернистские представления о правосубъектности, связанной с юридическими правами и обязанностями. Следуя

³⁹ См. подробное описание идеи с обширной библиографией: Ibid. P. 3. См. также обзорный материал по проблеме в лекции профессора О. Хархордина: Хархордин О. *Философия климата: понятие законов природы и договор с природой* // URL: https://www.youtube.com/live/vBz-KwTCAqU?si=fyKjoVKI3T78A6_2 (дата обращения: 22.07.2024). Об этических аспектах инструментализации животных и сценарии новой «морали животных» см., например: Груэн Л. *Этика и животные: Введение*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024.

⁴⁰ О различении прав человека (*human rights*) как прав естественных и универсальных и прав, принадлежащих (предоставляемых) человеку как прав индивидуальных (*individual rights*) см., например: Мойн С. *Человечество до появления прав человека* // Неприкосновенный запас. 2013. Т. 149. № 3. С. 3–38, особенно 5–6; Хант Л. *Изобретение прав человека: история*. М.: Новое лит. обозрение, 2023. С. 17–25; Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 436–448, 456, 467–468.

⁴¹ Именно так редакторы и формулируют *problématique* проекта в целом (с. 7).

философии акторно-сетевой теории⁴² или объектно-ориентированных онтологий⁴³, исследователи, скорее, отказываются от категории «субъект», предпочитая альтернативные формы фиксации международно-правового *присутствия*⁴⁴. А потому, прибегая к привычным модернистским терминам, можно сказать, что в книге вы встретите оценку сценариев «субъектности» роботов и технологий (глава I), пищевых жирных кислот и блэкаута (II), правовых форм и режимов (III), мирового океана (IV), исторического памятника (V), океана (VIII)⁴⁵, города и городского сообщества, сил природы (IX)⁴⁶, растений (X). Обращаясь к разным вариантам нового (нео)материализма, авторы настаивают на «субъектности» материи, формирующей природное, социальное, политическое и человеческое.

Такая «мятежная» (*insurgent*)⁴⁷ и «освобожденная [от позитивистских фобий] субъектность» (*unmoored subjectivity*) (с. 217–218) используется не для выстраивания разделительных линий, иерархий подчинения и категоризирующей дисциплины, а для объяснения того, кто *есть* в международном праве, *присутствует*, *осязаем*, *слышим* и *видим*, *действует* и *влияет* или, как сказали бы прогрессивные модернисты, кто располагает агентной силой (*agential force*) (с. 14)⁴⁸.

Время. В постмодернистском ключе авторы формулируют вызов гегелевской темпоральности: в книге время предстает дискретным и нелинейным. Как отмечает Р. Брайдотти в предисловии к работе, «методы и оценки правового дискурса [должны стать] важным инструментом навигации [во времени и пространстве] между “уже нет” и “еще нет”»⁴⁹: проникновение в эту темпоральную складку, когда *линейное прошлое* реорганизуется, а *линейное будущее* переформулируется, и конструкция оказывается как бы зависшей по меркам гегелевского времени. Это дает возможность исправить ошибки прошлого (например, колониального), реинтерпретировать настоящее (выявить в нем колониалистские паттерны) и построить «более обнадеживающее будущее» (*more hopeful future*) (с. 12–13, 20).

Постмодернистские игры со временем можно встретить в тексте Д. Митчелл (глава III), исследующей результаты такой исторической контекстуальной делокации (*dislocation*) на примере художественного концептуализма К. Роулэнда: художник применяет колониалистские паттерны режима собственности к ценному земельному участку, насильно обесценивая его на либеральном рынке. Такую же темпоральную авантюру реализуют Дж. Хоманн и К. Швобель-Патель (глава V), перемещая во времени персону английского колонизатора австралийских земель Э. Уэйкфилда с его заслугами, мистифицированными в прошлом, и памятным извятием, транслирующим свой колониальный дискурс в настоящее.

Авторы бросают вызов международно-правовому историцизму, критикуя международное право за его имманентную обращенность к прошлому и заикленность на причинности как единственно возможной форме детерминизма⁵⁰. Безнадежная историчность международно-правового дискурса построена на временном понимании государства, где оно суверенно в темпоральном плане, распоряжаясь международно-правовым временем и пребывая парадоксально в вечности, внеисторичности. Такое международное право легитимирует в настоящем сомнительные, нередко преступные иерархические алгоритмы и практики угнетения из прошлого (с. 146): например, современные торговые пути как продолжение каналов работоторговли (с. 148, 214), или режим беженцев или коренных народов (*indigenous people*) как следствие прежних практик отчуждения тех, кто «не совсем человек» (*less-than-human*) (с. 248–249).

⁴² См.: Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

⁴³ См.: Харман Г. *Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.

⁴⁴ См. о природе «присутствия» в международном праве, например: Лихачев М. А. *Субъект в международном праве: генеалогия отсутствия* // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 7–35, особенно с. 19–23.

⁴⁵ «Терракватические теории и международное морское право» — Heathcote G. *Terraqueous Feminisms and the International Law of the Sea // International Law and Posthuman Theory...* P. 203–221.

⁴⁶ «Становление совместности — экологическое сопротивление, неприятие, репарация» — Petersmann M. *Becoming Common — Ecological Resistance, Refusal, Reparation // Ibid.* P. 222–243.

⁴⁷ В главе IX речь идет о мятежном озере (*insurgent lake*), появившемся случайно в результате подготовки под фундамент торгового комплекса площадки прекратившего работу промышленного завода (течь подводных вод) и ставшем символом борьбы местных активистов за вновь возникший природный парк (с. 224–228).

⁴⁸ Хотя само понятие агентности, связанной с осознанием и формулированием своего интереса «субъектом» и его волевым осуществлением, скомпрометировано скрытыми рационалистическими и просвещенческими (гуманистскими) коннотациями.

⁴⁹ *International Law and Posthuman Theory...* P. XVIII.

⁵⁰ Э. Джоунз и М. Арвидсон апеллируют к статье 38 Статута Международного Суда, где договор закрепляет уже достигнутую договоренность, общие принципы права обращены к национальным или международным правилам, уже сформировавшимся в правовом порядке, а обычай и вовсе позволяет применить лишь нормы, состоявшиеся в прошлом (чаще всего далеко) (с. 4).

В. Хамжич (глава VII) предлагает «сомневающуюся/колеблющуюся историю» (*history hesitant*), порывающую с модернистской темпоральностью и исторической причинностью. Автор конструирует «субъектного» *homo narrans* по образу сказителей племен Сенегамбии, называемых «*jeliw*», овладевших искусством ритуализированной наррации — *kilisi*:

...наделенный даром познания (*ḥa*) сказитель *jeliw* «не просто историк социального, но также и прямой — пусть и мистический — канал связи с прошлым... его устные истории социально сконструированы и представлены как история сегодня и история завтра. При этом тело такого рассказчика-историка опосредует любые возможные темпоральные и мистические границы между ними⁵¹.

Такая *hesitant history* не о прожитом и проживаемом, но порой даже о невероятном (*unbelievable*), и дает пространство и иную темпоральность для осмысления «связей, которые могли бы быть, если бы не были утрачены, а потому все еще не восстановились»⁵². В. Хамжич приглашает читателя присоединиться к непростому занятию по «переосмыслению темпоральности», чтобы «рассказать [*recount*] по-новому (пористо, фрагментарно), — а не восстановить доподлинно — во всей полноте [*recover*] “мятежные истории” [*insurrectionary times*]]»⁵³.

Да и сама субъектность здесь выведена за рамки привычной темпоральности. Она недискретна и перформативна: разворачивание идентичности в праве представлено как продолжающийся, непрерывный, без определенного начала и без конечного пункта флюидный процесс становления реляционных связей (так называемая экософия идентичностей / самостей)⁵⁴. Так, в предисловии к книге Р. Брайдотти, учение которой, наряду с трудами Д. Харауэй, как неоднократно указывают авторы явилось источником идейного вдохновения и платформой внедрения постгуманистских идей в международно-правовой дискурс⁵⁵, отмечает:

...мир определен сосуществованием разнообразных органических видов, технологических артефактов и сетей в их попутном взаимодействии... экософически связанных [*eco-sophically connected*]. Для меня принятие такого [состояния] значит признание континуума жизни [*living continuum*], проявляющегося в мире-в-становлении [*becoming-world*] в рамках постгуманистской теории⁵⁶.

По мнению философа, все авторы книги единомышленны в том, что нам необходима «расширенная, распределенная [*distributed*] и трансверсальная [*transversal*] теория субъекта», отражающая «реляционный потенциал и этические требования»⁵⁷. Представленный в книге тематический вокабуляр, касающийся проблем субъектности, включает термины, отражающие динамику, особую темпоральность, реляционность (созависимость) и незавершаемость (флюидность) процесса — становление (*becoming-with*) (с. 75, 264), ризома (*rhizoma*) (с. 20, 32, 194), интрадействие (*intra-action*) (с. 87–90), бытование-в-мире (*being-in-the-world*) (с. 181, 190–192)⁵⁸.

Обозначаемая семиотически в терминах через окончание *-ing*⁵⁹ субъектность перформативна, что исключает предзаданность форматов международно-правового присутствия ее носителя. Ее/его

⁵¹ Hamzić V. *Op.cit.* P. 191.

⁵² Ibid. P. 192–193.

⁵³ Ibid. P. 195.

⁵⁴ Про самость (*selfness*) как основание субъектности и идентичности см., например: Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 79, 133, 141, 320.

⁵⁵ Речь, в первую очередь, о фундаментальных работах двух исследовательниц — Braidotti R. *The Posthuman*. Polity, 2013 и Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991.

⁵⁶ *International Law and Posthuman Theory*... P. XV–XVI.

⁵⁷ Ibid. P. XVI. Пример применения трансверсальной субъектности, предполагающей не только верховенство прав и интересов ее носителя, но и их интегральный для системы характер см. в постановлении Конституционного Суда Эквадора 2008 года, толкующего положения национальной конституции в части правового статуса природы — Пачамамы. Суд отметил, что «природа как живое существо рассматривается как... субъект, независимый и обладающий конкретными или собственными правами»; причем «все действия государства, а также отдельных лиц должны осуществляться в соответствии с правами природы и в соответствии с ними» (Constitutional Court of Ecuador, Republic of Ecuador. 0507-12-EP, C. Judgment of 20 May 2015. No. 166-15-SEP-CC. URL: <http://portal.corteconstitucional.gob.ec:8494/FichaRelatoria.aspx?numdocumento=166-15-SEP-CC> (дата обращения: 22.07.2024)).

⁵⁸ Напомню читателю особенность постгуманистских учений: формирование собственного языка и непримиримый отказ от применения модернистского словаря для объяснения мира.

⁵⁹ Речь об уже упомянутых и иных терминах, характеризующих международно-правовое присутствие существа/сущности: *becoming-with*, *being-in-the-world*, *becoming-world*, *earthling*, *worldling*.

идентичность разворачивается непредсказуемо-произвольным образом, когда каждый акт проявления себя одновременно конструирует и репрезентует такую идентичность⁶⁰.

Пространство. Флюидным, неочерченным, недискретным и перформативным оказывается и пространство. Делокация мышления имеет решающее значение для выявления скрытых в понятиях и конструкциях контекстов: изобличение последних необходимо для разрушения заложенных в их основание иерархических коннотаций пространственного измерения. Так, постколониальный эксперимент К. Роулэнда (глава III) стал возможным благодаря обесценению земельного участка путем его намеренного выведения из эксплуатации и запустения.

Проблема пространства занимает центральное место в главе VIII, посвященной *терракватической* теории (*terraqueous*, земноводный). Мишенью критики автора главы Дж. Хэткоут стал *территориализм* в международном праве (*territorialism*), приоритизирующий сушу над морем в формулировании правовых режимов пространств и отводящий воде положение «пустого пространства» (*empty space*), производного от земли — материального базиса государственного суверенитета, — и подчиненного ей (с. 207). Для преодоления таких репрессивных (*oppressive*) контекстов исследовательница обращается к альтернативным картам островных племен Океании, отмеряющих пространство от воды (а не от суши) и рассматривающих море как бы изнутри, а сушу — извне (с. 208–209)⁶¹. Такое терракватическое понимание пространства, полагающееся на субъектность океана, имеет и практические последствия:

...управление [*governance*] океаном не управленческая [*managerial*] или техническая проблема, разрешаемая путем обретения большего или лучшего знания или через расширение существующих правовых режимов... необходимо де- и антицентрализовать наши правительственные системы и наши способы регулирования... признание флюидности суши и моря требует пересмотра существующих институтов, временных форматов и категорий, через которые мы выстраиваем отношения с океаном и которые проясняют нашу ответственность в отношении этих пространств и того и тех, кто находится и живет внутри них⁶².

Технологии. Наряду с капиталистическим укладом и экологической деградацией технологическое развитие заявляется в числе основных вызовов традиционному пониманию «человека» (с. 3). Вдохновленные «человеком-киборгом» Д. Харауэй авторы книги испытывают пределы «человеческого» как конститутивного качества традиционной субъектности⁶³. Наряду с «человеческим» (*human*), соответствующим просвещенческому идеалу, есть более-чем-человеческое (*more-than-human*), требующее особой заботы со стороны (скорее, от) человека (например, океан, упомянутый в главе VIII). Есть и те, кто не просто выведен за рамки «человеческого», но кому отведен низший статус (*less-than-human*) (с. 33).

В свою очередь трансгуманизм подрывает представления о границах телесного, прежде однозначно материализовавшего человека. Современные технологии, применяемые в области вооруженных конфликтов, не просто размывают такие границы, а порой решительно их стирают. Международное гуманитарное право не дает единственного ответа на вопрос о субъектности комбатанта в случае применения дронов, а конструкция «человека в петле» (*human in the loop*) сливает физическое тело и технологическую сущность по меньшей мере в гуманитарно-правовом измерении. Чтобы продемонстрировать это, М. Арвидсон использует фото вооруженного военного в камуфляже, все органические части тела которого скрыты в тени (с. 50–52). Похожим образом рассматривает «субъектность» технологий и их слиянность с человеком и его историей Дж. Хэткоут, обращающая внимание на современное использование акватических роботов в открытом море в

⁶⁰ Это свойство, сформулированное в семиотике применительно к речевому акту, предполагает, что «высказывания — это динамичные процессы, смысл которых активно создается и реинтерпретируется в процессе речи, практики и ритуалов» (Fabian J. *Anthropology with an Attitude: Critical Essays*. Stanford, 2001. P. 24; Haraway D. *Op.cit.* P. 190–197; Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 62–67). «Перформативное выражения некоего я — не единичный акт или событие, а именно ритуализированное воспроизводство, повторение, идущее внутри ограничивающих [«я»] рамок и одновременно посредством этих рамок, под давлением запрещающей и табуирующей силы и одновременно посредством этой силы... которая навязывает субъекту определенную форму, но которая при этом... не способна навязать субъекту эту форму до конца» (Butler J. *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of Sex*. New York: Routledge, 1993. P. 63).

⁶¹ В такой замене «маркированного» (воды) и «немаркированного» (океана), по Ж. Деррида, и состоит прием деконструкции — см.: Фостер Х., Краусс Р., Бут И.-А., Бухло Б. Х. Д., Джослит Д. *Указ.соч.* С. 47.

⁶² Heathcote G. *Op.cit.* P. 211. В приведенной цитате автор ссылается на работу о голубых (по цвету воды) правовых режимах — Braverman I., Johnson E. R. *Blue Legalities: The Life and Laws of the Sea*. Durham: Duke University Press, 2019.

⁶³ Haraway D. *Op.cit.*

исследовательских и военных целях, а также на устройство кораблей в разные эпохи, несущее печать прежних колониальных практик (с. 211–217).

12 глав книги о постгуманизме — это 12 самостоятельных историй становления новых «субъектов» в международном праве, осмысление присутствия которых невозможно в традиционной системе координат научного позитивизма. Авторы книги предприняли авантюрную попытку сколько-нибудь внятного объяснения разворачивающейся на глазах витальности живого и материального через постгуманистские приемы.

Глава I — о новой методологии в международном праве: как постгуманизм работает на гносеологическом уровне. Глава II обращает читателя к плоским онтологиям, где материя и события действуют субъектно наряду с человеком, а иногда и вместо него: по крайней мере очевидно, что довольствоваться низким статусом принадлежности они не должны. Глава III показывает, как много о колониальных основаниях права нам может сказать концептуальное искусство, претендующее на терапевтическую роль в деформированном классическими иерархиями обществе. Глава IV критикует режим всеобщего наследия человечества, инструментализирующий живую природу; предложенный выход — попытаться поставить ее на одну планку с человечеством, переучредив с ней отношения на началах родства (*kinship*).

Глава V объясняет, почему памятники не безобидные безмолвные изваяния, а субъекты, формирующие современную жизнь. Глава VI вскрывает неравенство формально равных суверенных государств на примере международных налоговых режимов. Глава VII пытается найти решение историцистским дисбалансам, формирующим международное право и им же укореняемых, в космологиях и ритуальных практиках аборигенов.

Глава VIII переустраивает международно-правовую географию, меняя местами привилегированную сушу и подчиненное море. Глава IX рассказывает историю удивительного озера в Риме, ставшего участником городской жизни. Глава X оценивает с позиций субъектности конфликт интересов государства, борющегося с наркоторговлей, с одной стороны, и сопротивляющихся природы и коренных народов, практикующих соответствующие ритуалы — с другой. Глава XI — о буколическом жанре и о том, как фетишизация животноводства усугубляет экологическую деградацию. Глава XII включает проект оценкой перспектив основанной на защите прав человека риторики в деле противодействия изменению климата.

Постгуманистская теория, несколько вариантов которой предложены в прочитанной книге, не претендует на то, чтобы дать ответы на ключевые вопросы: каковы пределы влияния технологического «прогресса» на человека и человечность, какие альтернативы капиталистическому потреблению исправят социально-экономические недуги и на каких началах нам нужно переустраивать свои отношения с природой. Зато эта теория, дополнив обозначенные вызовы, позволяет уточнить старые вопросы и поставить новые. Сомнения и рефлексия полезны для самонадеянно уверенного в своей правоте общества, как либерального, так и авторитарного. И еще: постгуманизм в очередной раз напоминает человечеству, пережившему как минимум две глобальные катастрофы в первой половине XX века, что модернистские конструкции с укорененной в них мистификацией суверенного государства и формализованного правопорядка далеки от совершенства и едва ли отражают зримое и осязаемое каждым, кто способен к критике. Книга пытается «пере-рассказать в критическом ключе истории о сопричастности международного права к миро-разрушающим и миро-творческим проектам... борясь с искушением предаваться иллюзорным ожиданиям, что международное право выступит той самой спасительной силой»⁶⁴.

⁶⁴ Jones E., Arvidsson M. *Op.cit.* P. 17.

**INTERNATIONAL LAW BEYOND THE HUMANISM OF RENAISSANCE (THE REVIEW
OF «INTERNATIONAL LAW AND POSTHUMAN THEORY»
EDITED BY M. ARVIDSSON, E. JONES)**

LIKHACHEV M.

Maxim Likhachev — Candidate of Sciences in Law, Associate Professor,
International and European Law Department, Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
(m.a.likhachev@gmail.com). ORCID: 0000-0002-7848-5007.

Citation: Likhachev M. Mezhdunarodnoe pravo za predelami renessansnogo gumanizma (retsenziya na kolektivnuyu monografiyu «Mezhdunarodnoe pravo i postgumanisticheskaya teoriya» pod red. M. Arvidsson, É. Dzhounz) [International Law beyond the Humanism of Renaissance (the Review of «International Law and Posthuman Theory» edited by M. Arvidsson, E. Jones)] // Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International Law). 2024. Vol. 2. No. 3. P. 64–75. (In Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.23991>
